УДК 341-048.87(4/5)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/66-78>**В. М. Шумилов¹**

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия

E-mail: mezhdekpravo@gmail.com

М. Р. Салия²

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия

E-mail: salimarianna@yandex.ru

ИДЕЯ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО (БОЛЬШОГО) ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЁРСТВА В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (Часть 1)

Аннотация. Суть идеи «Всеобъемлющего евразийского партнёрства», озвученной в 2016 г., – усилить интеграционное взаимодействие между Евразийским экономическим союзом и государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, соответствующими международными организациями и прочими интеграционными объединениями в регионе. В итоге должна быть создана региональная зона свободной торговли и свободная инвестиционная зона с участием ЕАЭС и государств-членов ЕАЭС. Главным нормативным регулятором этого процесса выступают международные договоры и мягкое право, и сама направленность такой интеграции объясняется созревшим международным правосознанием и происходящей перестройкой современного международного правопорядка. В статье раскрывается, какими практическими действиями и с каким нормативным инструментарием ЕАЭС идёт к Большому Евразийскому партнёрству (БЕП) и какие заделы международно-правового регулирования этого движения остаются недостаточно использованными. Большое Евразийское партнёрство рассматривается не только как обширная общая зона свободной торговли, где идёт либерализация (устранение) таможенных

¹Владимир Михайлович Шумилов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва, Россия.

²Марианна Романовна Салия, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Шумилов В. М., Салия М. Р. Идея всеобъемлющего (большого) евразийского партнёрства в свете международного права (Часть 1) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 66–79. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/66-78>.

тарифов на товары взаимной торговли; это ещё и свободная инвестиционная зона, где должны устраняться барьеры на пути прямых инвестиций и инвесторов. Движение в сторону БЕП в АТР пока идёт, главным образом, на двустороннем уровне – за счёт вступления в соответствующее интеграционное объединение отдельных государств (т. е. путём расширения численного состава) и подписания с такими государствами соглашений о зонах свободной торговли. Показано, что главными международно-правовыми инструментами для сближения/сопряжения интеграционных блоков являются принцип наибольшего благоприятствования (и исключения из него), а также принцип предоставления национального режима. В ходе региональной интеграции складываются новые международно-правовые договорные нормы и принципы, обычаи, целые институты международного права экономической интеграции, в частности «право ВРЭП», «право ТТП», «право АСЕАН» и т. д. Формируются будущие отрасли международного права, например, «международное социальное право», «международное цифровое право» и др. И в рамках ЕАЭС в целях сопряжения с другими интеграционными объединениями данное обстоятельство следует учитывать.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Всеобъемлющее евразийское партнёрство (ВЕП), Большое евразийское партнёрство (БЕП), Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), зона свободной торговли, свободная инвестиционная зона, международное право, право международной экономической интеграции, международное правосознание, принцип наибольшего благоприятствования, принцип предоставления национального режима.

V. M. Shumilov¹, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia
E-mail: mezhdekpravo@gmail.com

M. R. Saliya², Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia
E-mail: salimarianna@yandex.ru

THE IDEA OF THE GREATER EURASIAN PARTNERSHIP IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL LAW (Part 1)

Abstract. The essence of the idea of the "Greater Eurasian Partnership", announced in 2016, is to strengthen integrative cooperation between the Eurasian Economic Union (EAEU) and the states of the Asia-Pacific region (APR), relevant international organizations and other integration associations in the region. As a result, a regional free trade zone and a free investment zone with the participation of the EAEU and the EAEU member states should be created. The main regulator of this process includes international treaties and soft law, and the very direction of such integration is explained by the international legal consciousness and the ongoing restructuring of the modern international legal order. The article reveals what practical actions and regulatory tools are used by the EAEU to achieve the Greater Eurasian Partnership (BEP) and what reserves of international legal regulation of this movement remain insufficiently used. The Great Eurasian Partnership is considered not only as a broad common free trade area, where customs tariffs on mutual trade goods are liberalized (eliminated); it is also a free investment zone, where barriers to direct investment and investors should be removed. The movement towards the BEP in the Asia-Pacific region is still mainly at the bilateral level – due to the entry into the corresponding integration association of individual states (i.e. by expanding the number of members) and the signing of agreements on free trade zones with these states. It is shown that the main international legal instruments for the convergence/integration of integration blocks are the principle of most-favored nation and exclusion from it, as well as the principle of granting national treatment. In the course of regional integration, new international legal treaty norms and principles, customs, and entire institutions of international law of economic integration are being formed. Future branches of international law are being formed – for example, "international social law", "international digital law", etc. And within

¹ *Vladimir Mikhailovich Shumilov*, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russia.

² *Marianna Romanovna Salia*, Ph.D. in Law, Senior Lecturer, Department of International Law of the All-Russian Academy of Foreign Trade, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia.

For citing: Shumilov V. M., Salia M. R. The idea of the greater Eurasian partnership in the light of international law (part 1) // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2021. No. 2. C. 66–78. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/66-78>.

the framework of the EAEU, in order to interface with other integration associations, this circumstance should be taken into account.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), Comprehensive Eurasian Partnership, Greater Eurasian Partnership (GEP), Asia-Pacific Region (APR), Comprehensive Regional Economic Partnership (CREP), Trans-Pacific Partnership (TPP), Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), free trade zone, free investment zone, international law, international economic integration law, international legal awareness, most-favored nation principle, national treatment principle.

ЕАЭС и региональная интеграция в АТР

В условиях происходящей трансформации международного правопорядка научное и практическое правосознание рождает новые – объективно необходимые – идеи, которые получают затем политико-правовое развитие и закрепление. Так происходит и с идеей «Всеобъемлющего евразийского партнёрства», которая была выдвинута Президентом Российской Федерации В. В. Путиным на Петербургском экономическом форуме в 2016 году [1]. В научной литературе встречается и альтернативное название «партнёрства» – «Большое евразийское партнерство» [2] (БЕП), которое применяется в настоящей статье как синоним. Сама идея имеет характер «зонтичной инициативы» и должна в большей степени вписать интересы России и государств-членов ЕАЭС в те интеграционные процессы, которые идут в АТР, – прежде всего в создание обширных зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон.

Экономическая интеграция в АТР происходит по нескольким направлениям взаимодействия: а) путём образования и укрепления *многосторонних* интеграционных объединений под разными названиями; б) путём заключения международных договоров на *двустороннем* уровне – между государствами одного интеграционного блока или разных блоков; в) путём вступления государств в соответствующее интеграционное объединение или в два и несколько объединений; г) путём установления договорных связей между двумя или несколькими интеграционными объединениями с целью создания объединённых – расширенных – зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон. В результате действующие зоны прирастают новыми пространствами, участниками и регулируемыми отношениями; «сливаются» друг с другом; наслаиваются одна на другую. Расширенная зона свободной торговли и свободная инвестиционная зона, вкупе с двусторонними зонами, – это и есть прообраз БЕП в условиях нового этапа глобализации, который называют «глобализацией 3.0» [3, с. 83].

В настоящее время в АТР реализуются на многостороннем уровне: проводимый с 2010-х гг. китайский проект «Один пояс, один путь» (ОПОП); Соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве» (ВРЭП) 2020 г. в составе ряда государств АСЕАН, а также Китая, Индии, Республики Корея, Японии, Австра-

лии, Новой Зеландии [4]; Соглашение о Всеобъемлющем и прогрессивном Тихоокеанском партнёрстве (ТТП) 2018 г. в составе отдельных стран Азии, североамериканских и латиноамериканских государств и др. ВРЭП и ТТП рассматриваются как два основных центра региональной экономической интеграции в АТР, основанных на соглашениях «нового типа» [5]. Экономическая интеграция в АТР активно идёт и на двустороннем уровне: в регионе насчитывается более 70 двусторонних зон свободной торговли. Между интеграционными объединениями, в чём-то конкурирующими друг с другом, возникают взаимосвязи притяжения – то, что называют «интеграцией интеграций» [6, с. 17].

Указанные партнёрства, как и другие образования интеграционного типа, функционируют на основе права ВТО; иногда – с определёнными (и существенными) нововведениями, и идея БЕП также предполагает, с одной стороны, реализацию правил ВТО на региональном уровне, но, с другой стороны, и более продвинутые правила торговых и инвестиционных отношений, чем в ВТО [7]. Это означает, что главными «рабочими принципами» интеграции в целом – создания зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон – остаются: *принцип наибольшего благоприятствования (ПНБ)* и *принцип предоставления национального режима (ППНР)*. Эти принципы одновременно можно признать и самостоятельными международно-правовыми институтами; механизмами поддержания и развития недискриминационных отношений и международного правопорядка в соответствующих сферах [8]. Вместе с тем, в процессе сопряжения интеграционных объединений важна и роль *исключения* из ПНБ.

Суть ПНБ состоит в том, что одна сторона должна предоставить другой стороне все «улучшения», которые предоставлены любой третьей стороне в партнёрстве; отсюда – правило: стоит только одному члену интеграционного объединения предоставить другому государству-члену, например, нулевую ставку тарифа на тот или иной товар, эта ставка должна действовать и в отношении всех аналогичных товаров из всех государств-участников интеграционного блока, поскольку все они связаны принципом наибольшего благоприятствования. Так и создаются зоны свободной торговли. Однако из данного принципа есть правомерные, признанные исключения, затрагивающие зоны свободной торговли, таможенные союзы и другие виды интеграционных объединений. Если применяется исключение из ПНБ, то это означает: все улучшения режима распространяются внутри одного объединения, но не достигают участников другого интеграционного объединения – достигнуть «сопряжения» интеграционных объединений (объединения их зон свободной торговли в общее пространство) невозможно. Такое «сопряжение» двух интеграционных объединений станет возможным, если улучшения внутри одного объединения будут распространяться на участников другого объединения. А сделать это можно двумя путями:

– первый: путём вступления государств-членов одного интеграционного образования в члены другого интеграционного образования; вступая в «чужое» интеграционное объединение, государство – через механизм принципа наибольшего благоприятствования – получает право на все выгоды правового режима, установленного там для государств-членов;

– второй: путём заключения между объединениями договора о взаимном распространении режима наибольшего благоприятствования: одно объединение должно представить другому объединению на взаимной основе режим наибольшего благоприятствования – в вопросах, которые следует оговорить. Предоставленный таким образом блоками друг другу «наиболее благоприятный режим» распространяется и на государства-члены. Это и есть сопряжение двух интеграционных блоков, достигнутое и за счёт взаимного отказа использовать *исключение* из ПНБ – как он действует в рамках ВТО, и за счёт применения ПНБ – как он будет действовать в масштабе региона.

В свою очередь, для создания свободных инвестиционных зон определяющую роль играет принцип предоставления национального режима. Именно он (в единстве с ПНБ) обеспечивает недискриминационный – наиболее благоприятный – режим для прямых инвестиций и инвесторов. В рамках права ВТО содержание данного принципа (сфера отношений, на которую он распространяется) охватывает все государства-члены ВТО более-менее однообразно. В рамках же интеграционных объединений, при создании свободных инвестиционных зон, государства закрепляют в этой сфере дополнительные улучшения инвестиционного режима, оставляя их часто только для членов интеграционного объединения. Получить такие улучшения инвестиции и инвесторы из других государств также могут двумя путями: либо путём вступления государства в соответствующее интеграционное объединение, либо путём соглашения между двумя интеграционными блоками о взаимном предоставлении национального режима инвестициям и инвесторам во всём их объёме и по всем вопросам, предусмотренным национальным законодательством государств-членов. Это и будет «сопряжением» двух интеграционных объединений применительно к свободным инвестиционным зонам.

Названные выше реальные интеграционные проекты, интеграционные объединения и организации интеграционного типа находятся сегодня на переднем крае формирования новых подотраслей и институтов международного экономического права, и прежде всего права международной экономической интеграции. В их рамках вырабатываются общее правосознание и концепции зон свободной торговли, свободных инвестиционных зон, а международные договоры воплощаются в действующие международно-правовые режимы и новый международный экономический правопорядок.

Для ЕАЭС идея Большого евразийского партнёрства означает максимальное нормативно-организационное сближение («сопряжение») с отдельными или со все-

ми многосторонними интеграционными образованиями и проектами. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (2018) провозгласила (п. 4) взаимовыгодное и равноправное сотрудничество ЕАЭС со странами СНГ, ШОС, АСЕАН, ЕС, МЕРКОСУР, ВТО и другими объединениями, в том числе путем проведения работы по сопряжению интеграционных процессов на евразийском пространстве в рамках идеи БЕП.

ЕАЭС – заметный и влиятельный участник всех интеграционных процессов на сопредельных пространствах. Союз прямо – юридически – ставит целью движение в сторону укрепления таможенного союза и единого экономического пространства в самом широком диапазоне, включая создание общего рынка (или отраслевых общих рынков); только ЕАЭС из всех перечисленных интеграционных образований обладает определённой наднациональной компетенцией. В рамках Союза сформировано «право ЕАЭС», синхронизированное с императивными принципами международного права и правом ВТО, с одной стороны, а также с актами мягкого права, с другой стороны; реализована концепция справедливого распределения компетенции между государствами-членами и Организацией, а не безусловная субординация государств-членов перед Организацией [9, с. 99]. Действует Суд ЕАЭС.

Таким образом, ЕАЭС всей полнотой правосубъектности готов к созданию БЕП и активному участию в нём. Реализация плана по евразийской интеграции необходима, в первую очередь, для защиты экономических интересов государств-членов ЕАЭС и в контексте формирования многополярного мироустройства.

На уровне двусторонних отношений с отдельными государствами-участниками других интеграционных блоков ЕАЭС уже продвинулся по пути создания зон свободной торговли. Подписаны: Соглашение ЕАЭС с Вьетнамом (2015), который является также членом АСЕАН и ТТП; Соглашение с Сингапуром (2019), учреждающее зону свободной торговли в понимании правил ГАТТ/ВТО и включающее применение принципа наибольшего благоприятствования, с предусмотренными исключениями, и принципа предоставления национального режима (ст. 2.3; ст. 2.4). Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли, заключено между ЕАЭС и Ираном (2019). Активно ведутся двусторонние переговоры с другими государствами АТР.

Все двусторонние соглашения ЕАЭС с третьими странами основаны на правилах ВТО, а кое в чём идут дальше, например, в части электронной коммерции. Несколько отличается Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем (2018): оно не предусматривает снижение либо устранение ввозных таможенных пошлин, однако уже обсуждается идея заключения двустороннего соглашения между ЕАЭС и Китаем о зоне свободной торговли.

Роль мягкого права представлена разного рода «меморандумами о сотрудничестве» (Бангладеш, Индонезия, Камбоджа, Таиланд и др.), программами интеграционных мероприятий, совместными заявлениями и т.п.

В Договор о ЕАЭС, как и в большинство договоров (и в международное право в целом) заложены, в частности, два метода регулирования – посредством *императивных* норм, от которых строго нельзя отступать, и – в основном – посредством *диспозитивных* норм, которые предполагают некоторую свободу воли внутри установленных правил. Потенциал такого рода диспозитивных норм в ЕАЭС используется, но пока недостаточно – и в этом видится дополнительный резерв повышения эффективности всего движения к Большому евразийскому партнерству. Наиболее близким для ЕАЭС в плане взаимодействия, «сопряжения» является китайский проект «Один пояс, один путь».

Международно-правовой инструментарий сопряжения ЕАЭС и проекта «Один пояс, один путь»

Сопряжение ЕАЭС и ОПОП рассматривается лишь как первый этап создания Большого Евразийского партнерства [10, с. 19].

Китайский проект был озвучен во внутреннем порядке как план развития и так же продолжает пока оставаться рамочной, «зонтичной» структурой, так как вбирает в себя – в основном посредством двусторонних договорённостей – множество более мелких субпроектов с разными странами. При этом Россия особо выделяется в официальных документах. Китайский проект, являясь, по сути, международным проектом, не является международной организацией; это нечто вроде интеграционного процесса, управляемого одной страной по согласованию с другими странами. На сегодняшний день (январь 2021 г.) Китай подписал соглашения о сотрудничестве в рамках проекта со 140 странами и с более чем 30 международными организациями.

В рамках «Экономического пояса Шёлкового пути» не создаются зоны свободной торговли и свободные инвестиционные зоны, а выстраивается необходимая внешнеторговая и транзитная инфраструктура: предусмотрено создание трёх экономических коридоров: Китай – Россия – Европа; Китай – Азия – Средиземное море; Китай – Индийский океан. В рамках «Морского Шёлкового пути» создаются два маршрута: из Китая через Южно-Китайское море в Южно-Тихоокеанский регион; второй – через Южно-Китайское море и Индийский океан в Европу.

Сопряжение ЕАЭС и проекта «Экономический пояс Шёлкового пути» было согласовано в совместном заявлении глав России и Китая, затронув, в частности, следующие вопросы: обновление транспортной инфраструктуры, строительство, энергетика, добыча ресурсов и высокие технологии. Целый ряд инициатив формализованы и реализуются в России посредством внутренних нормативных актов, имплементировавших идеи российско-китайского проекта. По предложению Председателя КНР в 2015 г. был создан Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который должен финансировать реализацию программ и планов.

Международно-правовым инструментом сопряжения ЕАЭС и проекта ОПОП явилось Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (от 17 мая 2018 г.). В Соглашении утверждается приоритет норм права ВТО перед нормами Соглашения, в том числе в отношении принципа наибольшего благоприятствования, а также закрепляется положение (ст. 1.4, п. 4): «В случае если каким-либо двусторонним соглашением, участниками которого являются государство-член ЕАЭС и Китай, в отношении вопросов, охватываемых настоящим Соглашением, предоставляется режим более благоприятный, чем тот, который предоставляется по настоящему Соглашению, предоставление такого более благоприятного режима будет иметь преимущественную силу».

Таким образом, сопряжение ЕАЭС и китайского проекта ОПОП, хотя и опирается тоже на право ВТО, идёт несколько другим путём: оно охватило в основном отношения, касающиеся наращивания взаимной торговли, включая проблематику услуг, прямых инвестиций и прав на интеллектуальную собственность, но не ставит во главу угла создание зоны свободной торговли и/или свободной инвестиционной зоны. При этом вся концепция «Шёлкового пути», как объявлено, опирается на нормы Устава ООН и следование «принципам мирного сосуществования».

Получается, что отношения между ЕАЭС и Китаем в рамках ОПОП осуществляются на основе принципа наибольшего благоприятствования как он проистекает из права ВТО, и каждая сторона придерживается *исключения* из принципа в пользу интеграционных объединений, в которых она участвует: ЕАЭС не предоставляет Китаю те «улучшения» в торгово-инвестиционном режиме, которые предоставлены членам ЕАЭС; а Китай не предоставляет ЕАЭС и странам ЕАЭС те «улучшения», которыми пользуется в рамках зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон, участником которых является он. На пути более тесного взаимодействия ЕАЭС и Китая стоят *исключение* из принципа наибольшего благоприятствования и соответствующая сфера действия принципа предоставления национального режима.

Когда же речь идёт об интеграционном сближении государства с той или иной зоной свободной торговли, свободной инвестиционной зоной, или о «сопряжении» двух интеграционных блоков и государств-участников, взаимодействующие субъекты, наоборот, отказываются от применения *исключения* из ПНБ и предоставляют друг другу те «улучшения», которыми пользуются все участники зон с обеих сторон, то есть делают «исключение из исключения», – и соответствующая зона как бы раскрывается для нового участника, вбирает его в себя, расширяется за счёт него. Именно к такому положению дел идет, например, сближение ЕАЭС и ВРЭП, и ключом к сближению является «исключение из исключения» в механизме действия принципа наибольшего благоприятствования («региональное/зональное исключение из глобального исключения»).

Международно-правовой инструментарий сопряжения ЕАЭС и ВРЭП

Происходящее разделение АТР на интеграционные блоки можно повернуть в сторону скрепления этих блоков – и тем самым расширить «контуры интеграции» политическими, экономическими, правовыми (международно-правовыми) средствами. Следует иметь в виду, что аналогичную задачу ставят и США, опираясь на свое влияние в ТТП и АТЭС.

Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), созданное при совместных усилиях АСЕАН и Китая, также направлено на создание единого интеграционного пространства в форме зоны свободной торговли и свободной инвестиционной зоны. Соглашение, завершившее международно-правовое оформление ВРЭП, было подписано в ноябре 2020 г. В Соглашение вошла и Япония, оставшаяся одновременно в составе ТТП и ставшая там лидером после выхода США из ТТП в 2017 г. Соглашение закрепляет центральную роль АСЕАН в интеграционных процессах в АТР и является максимально открытым: к потенциальным участникам ВРЭП существует только одно требование – иметь зону свободной торговли с АСЕАН. Как и в АСЕАН, в Соглашении о ВРЭП закреплён принцип консенсуса при принятии решений.

В сферу регулирования ВРЭП попали по результатам многолетних переговоров вопросы, уже знакомые по праву ВТО: взаимная торговля товарами, услугами, связанные с торговлей отношения по поводу движения прямых инвестиций, прав на интеллектуальную собственность, конкуренции, разрешения споров – в более совершенной процессуальной форме, чем в ВТО. В содержательном смысле «право ВРЭП» не очень заметно выходит за общие рамки «права ВТО». Вместе с тем есть и новое: блок норм, посвященных электронной коммерции; в принципе расширяется применение электронных процедур в целях упрощения торговли; запрещается принуждать инвесторов к локализации персональных данных, хотя такие запреты содержатся во внутреннем законодательстве ряда государств-членов (следовательно, придётся корректировать внутреннее право). Внесены новшества в процедуры либерализации рынка услуг.

Соглашением предусмотрено устранение пошлин на преобладающую часть товаров во взаимной торговле, с установлением разных расписаний такой отмены и сохранением ряда исключений по чувствительным товарам. Диверсифицированы, например, по сравнению с нормами ВТО, правила определения происхождения товаров, упрощения процедур торговли.

В то же время в текст Соглашения не вошли вопросы стандартов, касающихся защиты окружающей среды и трудовых прав (такие положения есть в ТТП), – вопросы, которые не удалось и не удаётся включить в переговорный процесс по поводу развития права ВТО.

Глава, посвященная поощрению и защите инвестиций, практически повторяет нормы аналогичных двусторонних соглашений, и в инвестиционной сфере также

предусмотрено действие принципа наибольшего благоприятствования и принципа предоставления национального режима. В Соглашение включено положение о возможности принудительного лицензирования при производстве лекарств (т. е. использования патента без согласия патентообладателя), и это относительно новое исключение из традиционного инвестиционного режима, который обычно получают иностранные инвесторы. В Соглашении не нашлось места нормам, касающимся механизма разрешения инвестиционных споров.

В условиях переговорного тупика, в котором пребывает Дохийский раунд ВТО, Соглашение о ВРЭП практически развивает право ВТО за счёт дополнительной проблематики (как и другие аналогичные или схожие соглашения/переговоры).

Таким образом, ВРЭП – более широкое по охвату субъектов образование, чем ЕАЭС; ВРЭП нацелен на создание зоны свободной торговли и общего режима для инвестиций и инвесторов; ЕАЭС движется в сторону единого экономического пространства в более широком диапазоне регулирования и при этом располагает методом наднационального регулирования. И право ЕАЭС, и «право ВРЭП» опираются на нормы «права ВТО» в совпадающей части регулируемых отношений, в результате чего право ВТО играет объединяющую роль, связывая два блока общими нормами и международно-правовым режимом.

Вместе с тем, право ВТО, соединяя ЕАЭС и ВРЭП, одновременно устанавливает границы их дальнейшему сближению/сопряжению: на этом пути стоит принцип наибольшего благоприятствования, и даже не сам принцип, а *исключение* из него в пользу интеграционных объединений: ЕАЭС не может предоставить ВРЭП или странам ВРЭП те «улучшения», которыми пользуются внутри ЕАЭС государства-члены Союза, так как в силу ПНБ такие улучшения действуют только в рамках одной интеграционной зоны. Точно так же ВРЭП и государства-члены ВРЭП не могут распространять те «улучшения», которые действуют в рамках этого интеграционного пространства, какому-то третьему субъекту, включая ЕАЭС или государство-член ЕАЭС. Следовательно, движение к дальнейшему сближению/сопряжению двух блоков возможно, только если ЕАЭС и ВРЭП сделают «*исключение из исключения*» в механизме действия ПНБ – взаимно разрешат пользоваться «улучшениями», существующими в каждом блоке, государствам другого блока, или, другими словами, создадут правовые условия для слияния зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон, т. е. для создания общей интеграционной зоны.

И во взаимоотношениях между ЕАЭС и ВРЭП такое возможно, но только в диапазоне отношений, покрываемых предметом/действием ПНБ, закреплённым в праве ВТО. Вместе с тем, в перспективе ЕАЭС и ВРЭП могли бы по соглашению расширить предмет действия ПНБ применительно к своему сопряжению и тем самым пойти в данном вопросе дальше права ВТО.

Продолжение во второй части.

Список литературы

1. Путин призвал создать большое Евразийское партнерство // ТАСС. – 2016. – 17 июня. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/3376295> (дата обращения: 25.02.2021).
2. Новиков, Д. П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 82–96.
3. Постел-Винай, К. Глобализация 4.0 и новые модели международного сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 82–92.
4. Кадочников, П. А. Формирование Всеобъемлющего регионального экономического партнерства: перспективы и последствия / П. А. Кадочников, О. В. Пономарева // Российский внешнеэкономический вестник. – 2014. – № 10. – С. 3–10.
5. Исследование (доклад) Всероссийской академии внешней торговли «Транстихоокеанское партнерство, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство: анализ перспектив развития о оценка влияния на российскую экономику и внешнюю торговлю», 2014. – URL: <http://apec-center.ru/wp-content/uploads/2015/01/%D0%A2%D0%A2%D0%9F-%D0%92%D0%A0%D0%AD%D0%9F-2014.pdf> (дата обращения: 25.02.2021).
6. Кашкин, С. Ю. Основы интеграционного права : учебное пособие / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков. – Москва : Проспект, 2017. – 225 с.
7. Мамбеталиев, Н. Т. Итоги и перспективы деятельности ЕАЭС // Налоговый вестник. – 2019. – № 9. – URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/54683857> (дата обращения: 25.02.2021).
8. Шумилов, В. М. Принцип наибольшего благоприятствования как принцип международного права // Арбитраж и регулирование международного коммерческого оборота: российские, иностранные и трансграничные подходы / под ред. Н. Г. Маркаловой, А. И. Муранова. – Москва : Статут, 2019. – С. 633–664.
9. Капустин, А. Я. Право Евразийского экономического сообщества: подходы к концептуальному осмыслению // Современный юрист. – 2015. – № 1. – С. 94–108.
10. Алимов, Р. К. Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 19–32.

References

1. Putin called for the creation of a large Eurasian partnership. *TASS*, 2017, June 17. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/3376295> (accessed 25 February 2021). (In Russian).
2. Novikov D. P. Bol'shoe evraziiskoe partnerstvo: vozmozhnoe regional'noe vliyanie i interesy Rossii [Development of Multilateral Economic Institutions in Greater Eurasia: problems, prospects and implications for Russia]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2018, vol. 13, iss. 3, pp. 82–96.

3. Postel-Vinay K. Globalizatsiya 4.0 i novye modeli mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Globalization 4.0 and new models of international cooperation]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 82–92.
4. Kadochnikov P. A., Ponomareva O. V. Formirovanie Vseob"emlyushchego regional'nogo ekonomicheskogo partnerstva: perspektivy i posledstviya [Building a Comprehensive regional economic partnership: prospects and consequences]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2014, vol. 10, pp. 3–10.
5. *Research of the Russian Academy of Foreign Trade "Trans-Pacific Partnership, Comprehensive Regional Economic Partnership: analysis of development prospects and assessment of the impact on the Russian economy and foreign trade"*. 2014. Available at: <http://apec-center.ru/wp-content/uploads/2015/01/%D0%A2%D0%A2%D0%9F-%D0%92%D0%A0%D0%AD%D0%9F-2014.pdf> (accessed 25 February 2021). (In Russian).
6. Kashkin S. Yu., Chetverikov A. O. *Osnovy integratsionnogo prava: uchebnoe posobie* [Fundamentals of integration law: a textbook]. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 225 p.
7. Mambetaliev N. T. Itogi i perspektivy deyatel'nosti EAES [Results and prospects of the EAEU activity]. *Nalogovyi vestnik*, 2019, no. 9. Available at: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/54683857> (accessed 25 February 2021).
8. Shumilov V. M. Printsip naibol'shego blagopriyatstvovaniya kak printsip mezhdunarodnogo prava [The principle of the most favored nation as a principle of international law]. In: Markalova N. G., Muranova A. I., eds. *Arbitrazh i regulirovanie mezhdunarodnogo kommercheskogo oborota: rossiiskie, inostrannye i transgranichnye podkhody* [Arbitration and Regulation of international commercial turnover: Russian, foreign and cross-border approaches]. Moscow : Satut Publ., 2019. Pp. 633–664.
9. Kapustin A. Ya. Pravo Evraziiskogo ekonomicheskogo soobshchestva: podkhody k kontseptual'nomu osmysleniyu [The law of the EAEU: approaches to conceptual understanding]. *Sovremennyyi yurist*, 2015, no. 1, pp. S. 94–108.
10. Alimov R. K. Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva i Bol'shaya Evraziya [Shanghai Cooperation Organization and Greater Eurasia]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 19–32.